

Алла Райц

*Жизни
ремесло*

Сборник рассказов

Алла Райц

**Жизни ремесло.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Райц А.

Жизни ремесло. Сборник рассказов / А. Райц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854588-7

В книге Аллы Райц «Жизни ремесло» собраны как новые рассказы и новеллы, так и те, что уже радовали читателя прежде. Рассказы, новеллы, миниатюры о прошлом, настоящем и будущем, об обычном человеке в этом сложном мире. Многоплановость жанров, юмор, легкий слог и закрученный сюжет новелл придутся по вкусу многим читателям.

ISBN 978-5-44-854588-7

© Райц А.
© Издательские решения

Содержание

Сколки да круживо	6
Каравульские верей1	7
Защита небес	11
Ангел пути	12
Супчик дня	13
Тайное счастье	16
Девушка и призрак налегке	17
Чудо в перьях для КАзимира	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жизни ремесло Сборник рассказов

Алла Райц

© Алла Райц, 2017

ISBN 978-5-4485-4588-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сколки да круживо

Кроуживом назывались первые опыты плетения заморской диковины из серебряных и золотых нитей. В Италии да Бельгии рукодельные проворки по-другому величались: верхушка ли зубчики, а у нас – кроуживо, да и занятие в основном мужское было. Но и правда, что позже девушки крепостные облюбовали забаву, придумали из льняных ниток круживо заплесть, а ниточки сканные – по две или три свитые – на коклюшки наматывать, проворней круживо получалось, вернее дело шло. Скрути, сплети, ш-ш-ши-кок-ш-ш-ши-скок... Ой, то не вечер, да не вечер... ш-ш-ши-ток-ш-ш-ши-ток... Бывало по вечерам стук коклюшек раздавался из всех домов!

Но в любом кружеве самое главное сколк – рисунок, по которому вывязывают мастерицы плетешки, узелки, да решеточки. Сколки рисовались на бересте, а если на бумаге, то укреплялись тканью, проклеивались; хранились и передавались по наследству, потому как редкое это было умение – правильно сколк нарисовать, вот и хранили его рядом с иконами.

Прижилось на русской земле плетение кружев на коклюшках. Пословицы появились – скор русский язык на новое, в самый корень смотрит, а своё изобретать не забывает: не плети коклюшки, мол, говори прямо, без обиняков. Или вот еще ядрёная сметка: подпустить коклюшку – обмануть, хитрость придумать!

Да только всё больше жизнь коклюшки подпускает, такие кружева по своим сколкам, только ей известным, мастерит, что дух занимается. А какое кружево получится: застывшая музыка узелков в вихре переплетений или рваная клочкастая дерюжка, зависит только от тебя, сумеешь ли передать свой сколк да круживо по наследству?

Ш-ш-ши-скок-ш-ш-ши-стук...

Каравульские верей¹

В деревне Каравули мало чего внове случалось, пока она дикой, да языческой была.

Стояла та деревенька в непроходимых лесах, в окружении болот; жителям только и радости было, что речка Каравуля, которая прозрачным рукавом тянулась, аж до самого неба.

Оттуда, из-под неба к деревне приплывали весной, по большой воде ушкуи в белых парусах, и покрывались тогда волны синей реки незнакомым говором, веселыми криками каравульских девок, которые то и дело сигали в лодки-ушкуйки к славным ушкам, осыпали их цветами да травами, а потом заманивали гостей в дома сладкой медовухой.

Своих-то мужиков мало было: их еще смолоду съедали дикие края. Вот и радовались молодухи новым гостям.

– Каравули²! Каравули! – кричали девки, убегая, рассыпаясь по лесу. Не догонишь.

– И что они всё хохочут, как ненормальные, – думал Могута, пока маленький был.

Когда ушкуи стояли у берега, Могута обычно сидел в холодной избе среди болота, туда его бабушка припрятывала от лихих заезжих гостей: боялась, что украдут. Но пришел срок, подрос Могута и ему разрешил отец ушкуи торговые встречать.

Вот однажды приехали с ушками в Каравули монахи, начали они местный люд новой верой приманивать. Тут-то всё и началось.

Монахи для начала острог решили сложить, чтобы веру и всех новообращенных от врагов округ охранять.

В последнее время всё больше разбойники по рекам промышляли, а торговцев и калачом не заманишь в глухие леса. Вот и решили всей Каравулей в новую веру ступать.

Один Могута был против. Заладил – отец не велел, мы, говорит, в Сварога верили и верим, в силу живого огня, ни к чему нам новая вера-то.

А монахи ему – испытай силу веры христовой. Поди-ка, говорят, в лес, в болота, возьми вот крестик, там и узнаешь, в чем его сила настоящая, да вот еще и молитву выучи «Господи, помилуй!» и с тем отправили.

Всей деревней провожали, интересно было: неужто, спасет Могуту крестик, уж больно мал оловянный, а лешие, да кикиморы встречаются порой повыше столетней сосны. Вернется ли? Больше всех горевала Ляда – нареченная Могуты, даже слезинку вытерла, но в плач не пустилась, а пошла, покамест жених не вернется, острог достраивать.

Вот идёт наш Могута по лесу дремучему и думает:

– Это что же получается, крестик я взял, а свой кровный оберег забыл, как же я без него сквозь болота пройду, как расскажу монахам – в силе крестик от иль нет? Тьфу, чуть не осрамился, счас бы утоп!

А не было хуже и постыдней для каравульского мужика бесславно в реке утонуть, или в болоте завязнуть. То ли дело – медведь задрал или стадо кабанов истоптало, тогда слава и почет, лишняя рыбаца улова родителям, жене и детям. Тем более Могуте – охотнику на аркуду³ по отцовской задумке.

¹ столбы для ворот, крепость, сила – староцерковн. яз.

² караул, спасите

³ медведь, старорусский яз.

– Нет уж, только не в болоте завязнуть, – думал Могута, поворачивая с прямой лесной дорожки в сторону болот за оберегом к старухе ведунье, хоть и боялся, что сглазит его ведунья, пока он оберег свой ожидать будет. Чтобы не сглазила, свил молодец из веток орешника решето вокруг (навроде пенька), да на голову надел. Зашел в ведунью землю:

– Здравствуйте, бабушка, – говорит, сам поклонился и ждет, когда старуха ответит, да разрешит разговор начать.

Не знал он, что ведьма ат давно ослепла и наполовину оглохла, весь мир только на ощупь осознаёт. Правда, при ней сова подсказчицей увивалась, если что не так – ухнет – и поминай, как звали просителя, если что не по ней. Вот сова громко ухнула, увидав Могуту на пороге избушки.

– Леший тебя забери, сова... – вздрогнул парень.

Но не успел Могута подумать про лешего, как ведунья-бабушка догадливо спросила:

– Ты, Лешак, что ли пожаловал? – и, столкнув с колен ленивого черного кота с редким в их краях именем Вася, засеменила в сторону обомлевшего от страха Могуты.

– Ишь, бабка-то с самим знаетса, – невесело размышлял Могута, но как стоял в поклоне, так и остался, опасаясь гнева бабушки, лешака к ночи помянувшую, на решето одна надежда у молодца.

А бабушка за решето дергает, из стороны в сторону его проворит, и говорит:

– Что это сила твоя лешадиная ослабла, вон как трусится. То ж ведь колом все, не согнешь. Ах, поняла-поняла, родименький, зачем пришел, за оберегом своим, силушку восстановить, чтоб кикимушек задобрить и новую лимпияду «А ну-ка, лешие» выиграть... А вот я тебе сейчас новый оберег поставлю, будет всем на болоте забота...

Не стой столбом, мил-гость, поторапливайся, сегодня в полночь на ведьмином болоте последний день лимпияды ентной...

С этими словами ведунья вылила на решето сомлевшего Могуты какую-то вязкую жидкость, неизвестно откуда появившуюся в руках проворной старушки. Молодец от ужаса выпрямился, забыв, что перед пожилыми людьми надо в поклоне стоять. Сова захохотала человеческим голосом, стараясь предупредить хозяйку, что Лешего и в помине нет, а скорее русский дух в избе проявился.

Бабушка поняла: что-то пошло не так, и на всякий случай хлопнула, топнула, плюнула на все четыре стороны и исчезла, как сквозь землю провалилась. Вместе с ней исчезли: сова, кот с редким именем Вася, пара сушеных мышей, вязанки трав и вся остальная утварь, да и само жилище бабушкино исчезло, как не было. Один остался посреди леса с решетом на голове Могута, облитый чем-то зеленым и светящимся.

Он принялся сквозь решето искать оберег лешему предназначенный, что бабушка ведунья дала, но только измазался в зеленом, а ничего не нашел. Ко всему ещё и решето рассыпалось, застучали веточки по телу молодца, а одна самая скользкая за пазуху попала, скользнула по животу, да в штаны могутинские провалилась.

В один миг всё тело Могуты засветилось зеленым, словно у лешего, в штанах образовалось что-то навроде кола и понесло самозванца, а на самом деле обычного деревенского парня, дальше, на болота!

– Ай, да оберег, собакин хвост, ах, ты, ух ты-ы-ы... – только и вскрикивал Могута, пытаясь прижать неведомо откуда накинувшуюся неволю, да не тут-то было.

Так и приходилось ему стремглав за ней бежать, сила лешадиная носила его болотами насквозь, по кочкам, будто дорогу знала. А еще, то подкидывала вдруг над соснами, тогда Могута видел звезды окаянные, подмигивающие. Не дело мужику калавурскому на звезды

то глядеть. То вдруг неведомая бросала зло его озимь, и Могута только кряхтел, но ничего поделывать не мог, катался по земле, вставал и опять бежал куда тянуло.

Долго ли коротко ли, поутих чуть оберег лешего и Могута притормозил. Видит, какое-то городище перед ним появилось. Кругом огни вспыхивают и гаснут, запахи неведомые тягучие, шум и крики птички. Видно, неволя принесла его на лимпияду, о которой ведунья рассказывала.

Пригляделся молодец, а перед ним и не болото вовсе, и непонятное местечко – не площадь, да и не плаха, а только сосны в штабеля сложены, а на них силуэты гостей неясные темнеются вкруг, не разглядеть доподлинно, кто такие и откуда прибыли. А по центру яснее круг поляна, где сошлись две шеренги борцов, слева ватага «Анукалешие», справа ватага «Идиты-клешему», бьются не на жизнь, а на смерть, только клочья летят. Вой, свист со всех сторон.

Не стерпел Могута, до драки охоч был, заныли кулаки, зачесались, особенно тот, в котором крестик зажат был. Это на всякий случай в кулачок забрал, если своя сноровка подведет – испытать крестик, а потом монахам рассказать, каков он в бою.

И такая буюсть⁴ Могуту обуяла, что он взял, да и подпрыгнул в воздух повыше, шлепнулся в центр побоища. Ну и отвел душу, всех раскидал!

А силушка лешадиная опять его вперед тащит, к самому яркому и дальнему огню.

– А-а-а, это же, Огневик – троюродный дедушка Сварога великого! – воскликнул, подбежав к огню, Могута, – тебя-то мне и надобно. Помню, как в детстве ты меня от холода спасал, может, и сейчас поможешь?

– Из-под земли вырастаю, из беды выручаю, – быстро ответил старичок-Огневичок, – что у тебя стряслось, Могута, говори как на духу, почему зеленый весь, словно лешак болотный, и в чем помощь моя требуется?

– Да это на меня бабушка-ведунья оберег лешинский накинула по ошибке, не знаю, как избавиться.

– Ну, этой беде легко помочь, – с этими словами Огневичок засиял синим, полыхнул в глаза молодцу и колдовские чары с Могуты снял, стал он как прежде красивым каравульским парнем – гладким, сильным, кудрявым. Поклонился он обрадованно Огневичку в пояс, поблагодарил слёзно и пошёл было в обратную домой.

– Могута, а как ты здесь очутился-то, – вслед ему завёл старичок, – зачем на болота пришел в ведьмину ночь, разве не зарекали тебя в это время сюда ходить?

– Так я это... крестик испытывал.

– Какой такой крестик, ну-ка расскажи, – старичок уселся поудобней, вокруг себя и Могуты круг огневой очертил, чтобы не мешали лимпийские гости беседу вести, Могута тоже сел в середину круга погреться, рассказывать начал.

Всё с самого начала рассказал: как монахи к ним в Каравули приехали, как в новую веру всей деревней решили ступить; как он засомневался и пошел с крестиком силу его испытывать на болотах.... Всё рассказал Могута, даже про то, как неведомая сила по болотам его таскала и помогла на лимпияде у всех заморских леших выиграть. Да только что с этой победой делать Могута и сам не знает, ни к чему ему баловство это. И получается, что задание он не выполнил, крестик не испытал. И сам собой возник у Могуты вопрос:

– А ответь мне, дедушка, что сильнее – огонь или крест?

– А ты-то сам как думаешь? – хитро прищурившись, спросил старичок.

Могута разжал кулак, в котором крестик лежал, крестик и выскользнул с ладони, стукнулся о землю, и тут же, как по волшебству, воссиял из креста огонь до самого неба. Стало

⁴ буюсть – отвага, старовусский яз.

светло, как днем, вместо черных болот поляны земляничные расстелились, вся нечисть будто испарилась, словно и духу её в лесах не было, а вдали грады с золотыми куполами Могута увидел, услышал звуки до селе неведомые, глубокие, мощные, колокольные. Ветром свежим повеяло, болотный смрад унесло, радуется Могута, оглядывается вокруг, любуется...

– Это будущее ты видишь, Могута, – сказал Огневик словно издали, – не всегда новое – это плохо, по большей части только в новом и есть спасение. Но и старое не забывай, помни, откуда ты и зачем пришел...

И всё исчезло, как не было.

Очнулся Могута, а уже утро, на незнакомой поляне он, рядом крестик лежит, совсем обычный на вид.

Сквозь деревья речка Каравуля поблескивает, голоса родных каравульцев слышны.

Сорвал он травину длинную, приладил к ней крестик и на шею повесил, под рубаху спрятав, чтобы не ускользнул больше, а то мало ли что еще случится.

– И то, правда, – сам себя поддержал Могута, – тут и к гадалке не ходи, а будем жить-поживать, лиха избывать! Пустая-то дума – ненужная тяжесть, чур, меня, – и пока еще неуверенно перекрестился...

Потом поспешил Могута к своим; подошел к суженой и, ни слова не говоря, принялся рядом с ней острог возводить. Кто же от защиты по доброй воле отказывается?

Силой бог не обидел, а долю сам добывай, если что.

Защита небес

Много в России по деревням да сёлам разбросано храмов....

Привычная картина: посреди мирного благолепия сельской красоты – холм, на холме храм, разрушенный, но не потерявший величия.

Храмы стоят без куполов, израненные лихими временами. Древние стены их одухотворены фресками, но Время соскабливает просветленные лики со стен, стирает из памяти...

И тянутся обезглавленные колокольни к небесам за защитой....

Ангел пути

Он лежал на стерне и знал – ему осталась капля жизни, всего одна, и мучениям конец. Но что-то не давало ему умереть мгновенно от невыносимой боли. Тело растерзанное, окровавленное уже не сопротивлялось мучителям, а дух его упрямылся и держал несчастного при жизни, показывая, как ал последний закат на земле, как душиста срезанная рожь, как легки облака.

Человек, еще живой, смотрел сквозь заплывшие от побоев веки, он мог видеть, что его окружили какие-то тени, а охранники куда-то исчезли. Тени поочередно, наклоняясь к нему, шептали слова утешения, гладили его раны, принося облегчение. С трудом в каждой из них он узнавал себя – прежнего, себя – уже не существующего, того, кем он не стал... Вот он студент аспирантуры увлечённо рассказывает милой девушке что-то из истории. Вот он дрожит от страха, запертый в карцере первый раз, и некому поддержать его в одиночестве. Вот он склонился над листом бумаги и страстно пишет стихи, зачёркивает, среди сотен зачёркнутых слов он видит одно, самое главное Слово, его тетрадь со стихами тяжела, будто вся боль мира оказалась в ней.

Тени кружатся над ним, но внезапно расступаются и человек видит белый туман, туман обволакивает его, умывает глаза; человеку хорошо видно, как ярко сияют в ночи васильки, он чувствует запахи земли, травы и ладана. Человек встаёт, омытый белым туманом, раны не кровоточат. Он идет вслед за туманом туда, где пробивается свет, он рад, что его тени и прежний он остались там, на поле, он больше не чувствует, как кованые сапоги впиваются в рёбра.

Он свободен от боли и идёт за своим туманом, жаль, что тетрадь со стихами осталась там, среди травы... Но когда-нибудь он вернётся и увидит, как его стихи прорастают сквозь рожь и сияют синими цветками, которые видны даже ночью...

Супчик дня

Декабрь сорок седьмого лютовал морозами и голодом, изжевывая жителей провинциального поволжского города до самых костей.

Симаха походила на вешалку, так развевалось пальто вокруг её исхудавшего тела. А ведь была еще не старой, до войны в красоте да благости жила, дом вела, детей поднимала. Но сейчас с трудом узнавала себя, глядя в маленькое, еще матушкино зеркальце: кожа да кости. Ноги её наоборот распухли подушками.

– От недоедания, – сказал доктор и посоветовал, – ешь больше, иначе детей сиротами оставишь!

А что кушать, если вчера, придя с ночной смены, супчик хотела сварить, для которого очистки картофельные заготовила, а их на батарее не оказалось.

– Мам, а мы очистки-то нашли и все съели, вкусные! – радостно возвестил ей пятилетний сын, а второй, постарше, довольно хмыкнув, подтвердил.

Что тут скажешь, не ругать же их. Всего трое с ней детей осталось.

Муж и старший сын еще воевали и в этот год домой не вернулись. А два сына с дочкой – дома сидят, воют меж собой, ожидая мать с работы.

И вдруг сегодня им всем сказочно повезло. Отец, узнав про Симахины болезни, принес ей карточки продуктовые с наказом отоварить их хлебом или обменять на рынке, и съесть все, не жалея. А он еще, мол, достанет, потому как скоро все равно карточки отменят, вот спекулянты и выбросили кучу карточек в обмен, а у него знакомый посредник есть, он еще принесет. Отец велел Симахе все карточки, не жалея, обменять на рынке. Так и сделали.

Дочка Ниночка сразу поспешила на Мытный рынок, чтобы обменять карточки на еду.

При мысли о дочери Симаха разубалась, засветилась вся: какая девочка у неё, какая помощница! Без неё с двумя мальцами не справилась бы. Бог даст, с дочкиной помощью и у них на столе сегодня будут не только корочки ржаные и очистки картофельные... А если повезет, да мена будет выгодная, то Ниночка сэкономит на парикмахерскую. За войну волосы совсем у нее посекулись и истончали.

«С радости-веселья кудри хмелем вьются, с горя и печали русые секутся», – думала Симаха и изо всех сил жалела свою славную и добрую дочурку, у которой вместо косичек остались жидкие тусклые хвостики. А ей – пятнадцать, в техникуме – отличница, хочет прическу сделать, подвив светлые тонкие волосы. По секрету от матери она папильотки смастерила из резинового жгута, тряпочки-завязки в них вставила и припрятала до поры до времени. Смешная, думала Симаха и улыбалась.

Еще ей думалось, что новый год откроет им новую жизнь, безбедную: муж и сын с войны скоро вернуться. Уж отзвучал парад Победы, а её письма к сыну вернулись со штампом – адресат выбыл, местонахождение неизвестно. Муж, штабной офицер, попытался навести справки, как будто в Манчжурии сын, а потом и сам пропал, тоже «адресат выбыл». Но ничего, когда-то вернуться. А когда? Далеко Симаха не загадывала, боялась.

Уже смеркалось, когда услышала она, как Ниночка возвращается, открывая незапертую дверь. Радостная, разгневившаяся дочка вошла в комнату, необычайно чем-то довольная, крепко держа в руках темно-синий бидон. Радужную картину портил оторванный воротник её пальто.

Молча и торжественно Нина водрузила на стол бидон, затем быстро разделась, победно потрянула короткими прядками коротко подстриженных белых волос и уселась за стол рядом с братишками, уже готовыми к опустошению тарелок, чтобы в них ни попало.

– Открывай, мама!

– Борщ! Борщ! – радостно заорали мальчишки.

– Борщ, – не успела подумать и Симаха, как уже уписывала за обе щеки вместе со всеми красный, наваристый, горячий борщ!

– И когда только она успела разлить его по тарелкам? – думала Симаха про дочку с удивлением. И ела, ела бесконечно вкусный ароматный борщ.

Наконец, уф-ф! Все, хватит, еще на завтра осталось!

Сынишки, насытившись, мирно заснули без обычных драк, Ниночка уселась воротник пришивать и тут только Симаха опомнилась и спросила:

– Нин, а что это бидон-то не наш? Где взяла? – быстро заговорила, – И воротник оторван! Как тебя угораздило? Или случилось что, не молчи, – заволновалась вдруг Симаха.

– Да все уже позади, мама, не волнуйся! Забыла, что сердце у тебя больное и доктор не велел волноваться?

– Нет уж, ты давай рассказывай все по порядку, не тяни. Я жду! – велела мать, для острастки пристукнув кулачком по столу.

– А вот что, слушай, – начала рассказывать Нина, – пошла я на «Мытный», как и договорились. Две карточки для парикмахера сразу в карман пальто убрала подальше, чтобы не украли, помнишь, как у тебя? Остальные начала менять. Меняла-меняла, сторговала буханку хлеба и пряники. Ну, я пряники в наш бидон сложила, буханку в руках несу, иду домой. Не успела к выходу, как вокруг вдруг все как заорут:

– Казаки, казаки!

И выскочил, откуда ни возьмись, летучий отряд. Казаки давай посреди рынка скакать, всех плетками, ремнями хлестать: и покупателей, и спекулянтов разгонять значит. Я испугалась, побежала, хлеб упал. Кинулась поднимать, да не успела: казак-то и подлетел как раз на меня, лошадь его хлеб в снег затоптала, а казак меня за воротник поднял и давай трясти, приговаривая:

– Ах ты, спекулянтка чертова! В тюрьму захотела?

У меня бидон из рук выскочил, пряники рассыпались, народ бежит в панике, всё пораскидали, размызгали. Бидон не знаю куда отлетел.

Ужас! Я заплакала, а казак все держит меня и трясет, тут воротник пальто как треснет, и оторвался! Дядька меня бросил, да ускакал.

Бреду я с Мытного, реву коровой. Наплакалась от души. Не помню, как дошла до парикмахерской. Ну, думаю, подстригусь хоть, все равно уже ничего не обменять на две карточки.

Вот в парикмахерской уселась в кресло, холодно. Парикмахер меня стрижет, а я ноги поджала под кресло, чтобы согреться. Чувствую, что-то есть внизу, да такое горячее! Может печка маленькая? Сижу, греюсь об это горячее. А когда выходить стала, наклонилась, чтобы посмотреть, что там такое стоит под креслом-то, и вижу – бидон вот этот синий, вот... Я его и вытащила, вроде бы достала, а то скажут, чего там высматриваешь. Ну достала и держу, как будто бы он мой. Эх, думаю, сейчас меня задержит парикмахер. А он посмотрел на меня, так окинул взглядом и ничего не сказал, вроде признал, что это мой бидон. А я медленно-медленно вышла, спокойно, будто что принесла, с тем и ухожу. Уже на улице заглянула в бидон, а там борщ! У меня аж голова закружилась от радости. Я бегом домой! Остальное ты знаешь.

– Ой, как же это, вот так история, ужас, ведь нельзя чужое брать, – мать растеряно и грустно приумолкла.

– Сама не знаю, как так вышло, мам, почему бидон-то схватила? Так мне было страшно домой с пустыми руками возвращаться и наш пропал ещё. Ну, думаю, что я скажу... А тут этот горячий, да еще ничей, наверно поэтому и взяла. Что теперь делать-то?

Помолчали.

– А казаков не осуждай, служат они, люди говорят не за ордена, за кормежку для лошадей служат, им сказано – борьба со спекуляцией, вот они и борются, как умеют, – заметила Симаха, – да и дядька тот, казак-то, мог и похуже что с тобой сотворить, арестовать или

еще что, повезло тебе, – уверенно добавила мать. – Давай-ка лучше укладываться, воротник завтра дошьем, а то меня совсем разморило, никогда так не ела.

Спасибо, доченька, накормила, бидон мы подарим кому-нибудь, разбогатеем – борщ для людей наварим, спи, не плачь. Утро-то вечера мудренее.

Тайное счастье

Саван тумана поднялся от реки, окутывая таинство игры теней, еле видимых в прозрачном и холодном мороке.

Две тени запутались в ивовых косах, слабым оттенком во влажной шелковой маете ивы заскользили по веткам. При лунном свете видно, как медленно и осторожно спускаются тени вниз, ползут по траве, пытаясь дотянуться до черной воды.

Но ива будто притягивает их неведомой силой, опутав неясными нитями, не отпускает надолго.

Тени дрожат, сливаются в одну, потом опять возникают размытыми очертаниями, взлетают и удаляются от ивы и возвращаются вновь.

Эта бесконечная игра похожа на прятки, ведь именно так любили играть они: когда-то муж и жена.....

Девушка и призрак налегке

Бывает, что и с призраками чудеса случаются.

Вот вам одна история. Примечательна она тем, что призрак наш был путешественником налегке.

– Да возможно ли это? Как же так? – спросите вы.

А очень просто. Бывало, сидит наш призрак в каком-нибудь замке, да вдруг ни с того ни с сего заскучает: всех хозяев давно извёл страхом, даже мышей перепугал. Нет бы угомониться, лечь поспать лет на сто-двести. Так нет, не сидится ему на месте, скучно: р-р-раз, и шагнет широко за новыми впечатлениями, поминай – как звали.

А шаг у него и впрямь был широкий, что ни шаг, то другое время и место действия. Бывало так и прошагает насквозь все времена и события, не замечая ничего вокруг, с мечтой о встрече с невиданным. А уж будьте уверены, он все повидал. Но пошагает-пошагает по мирам разным и возвращается в замок ни с чем.

Однажды, то ли шаг был мал, то ли луна в глаза заглянула, но задумался призрак больше обычного, и сам не заметил, как оказался в хрущёвке. Да вы сами знаете, там ещё девушка одинокая жила.

Жила-то она жила, но как? На всех стенах картинки, да розочки засушенные повешены, доски разделочные вручную изготовленные и девушкой расписанные, гитары старинные, фотографии, а еще – следы невиданных мужчин, вырезанные из бумаги и по потолку наклеенные, которые топтались будто.

Ещё на стенах её комнатухи висели маски. Маски индийские, индейские, кубические и графические, абстрактные и вообще непонятные. Также на стенах можно было найти всякие записочки будто бы на память: ну, поздравления разные от вымышленных возлюбленных, девушке посвященные, с сердечками, стрелочками и крестиками, это она сама так придумала, чтобы не было грустно порой.

– Это же мой случай! – решил призрак. – Экая экзальтированная особа. Останусь здесь подольше, авось скучно не будет!

И остался.

Знал бы, чем все кончится, улетел бы на крыльях ночи, куда глаза глядят, не заморачиваясь. Ан нет, остался жить и девушке докучать.

Больше всего любил наш призрак струны гитарные рвать. Вот уснет девушка, а он подойдет к гитаре и ведет ногтём по струне: тихо-громче – вжик-взи-и-йок! Порвана струна, взвизгнула. А уж девушка визжала среди ночи следом за струной, ужас как душераздирающе! Только соседи диву давались, мол, такая скромница днем, ночами, ночами-то что вытворяет. Беспокоились. И не зря. Наш-то призрак совсем распоясался: чаек пьет, а чашку об пол бьет! Толкаться начал – то по плечу девушку хлопнет, то ножку подставит, а то маску с гвоздя стащит и затопчет.

И все ему с рук сходило: поплачет девушка, да и дальше живет. От этого наш призрак совсем озлобился, новые пакости придумывать начал. И так допёк жиличку, что придумала она вот что.

В ночь полнолуния села у зеркала, в семи зеркалах отразившись. Свечу красную поставила и во все глаза смотрит да приговаривает с завыванием:

– Приди ко мне суженый ряженный...у-у-у...а-а-а, приди, приди-и-и!

Не выдержал призрак, очень смешно ему было девушке в зеркалах показаться. Сгонял по-быстрому на улицу, шляпу снял с какого-то господина, нарядился в шляпу-то и выступил в зеркале перед девушкой. Глаза свои для пушшего впечатления совсем из орбит высунул, вроде,

мол, поражен её красотой неземной. А девушка не отпрянула, смотрит на призрака через зеркало и не оборачивается. Ему интересно – что это она удумала, он ближе, ближе подходит, ишь, замерла, вот сейчас как схватит и задушит глупую девчонку! Сердится призрак – почему не боится бессовестная?

А девушка откуда-то платок черный вытащила и в призрака, не оглядываясь, бросила. Вот он испугался, аж присел от страха. А она его хват, да узлом платок вокруг обормота обвязала, не выберешься, все выкрикивала какие-то слова, от которых призрак в замешательство пришел. Вроде как матерные, да нет, не может быть, такая скромница. Да вот беда, время в раздумьях потерял и не заметил сам, как в воде оказался, да еще со всех сторон черным платком связанный. Это его девушка к реке унесла, камень привязала, да утопила.

Так и лежит теперь на дне, никто бедного не развяжет, не позовет, холодно ему там, наверное. А и пусть поостынет, может, пообреет. Когда-нибудь и его достанут, вместо утопленника, придумает что-нибудь.

Только что с девушкой потом случилось, я не знаю. Да и не о ней речь, а о том, что всякому страху когда-нибудь конец приходит. Но чтобы это понять, страх все-таки должен где-то поблизости быть, ведь так, читатель?

Чудо в перьях для Казимира

«Торопился Идан к возлюбленной Марфе. Не дожидаясь, когда отдохнут кони, оставил своего каурого в обозе с купцами, а сам пешком пошёл к суженой. Торопился, шел напрямик через лес, проваливаясь то и дело в глубокий снег. А как вышел из лесу в поле – завьюжило, потемнело. Остановился молодец, не знает, в какую сторону идти, закружила его метель. И почудились ему в завывании ветра слова:

– Взгляни на меня, Идан, куда торопишься? Я – Королева Метель, люб ты мне, останься со мной, не пожалеешь...

Не оглядывается Идан, идёт дальше, а в какую сторону, не знает, но верит – ждет его Марфа, у окна сидит, не велит останавливаться.

У-у-у, оглянись, Идан, остановись! – злилась метель, завывала, причитала....»

Бух! Бух! Бух! Громкий стук в дверь заставил Алёнку вздрогнуть, убрать рукопись, которую редактировала, подправить свечу – электричество отключили во всём посёлке точно к новогодним праздникам, и идти встречать гостей.

На пороге стояла соседка по даче Маруська. Она бойко топала на порожке, стараясь сбить с валенок белые мокрые комья снега. Глаза у Маруськи по-разбойничьи горели, а в руках у неё клекотал и недовольно крутил головой черный петух.

– Смотри, какого красавца раздобыла! – прямо с порога заявила Маруська, запуская петуха в комнату. Алёнка взвизгнула от радости.

– Баба Стеша еле отдала, говорит, старый он, для гаданий не годится, она его зарезать хотела как раз на праздник. А я ей, да ладно, бабстеш, мы погадаем и отдадим! Ну что тебе, не всё равно, после праздника зарежешь!

А она: ой, говорит, девки, судьбу свою прогадаете. Так и сказала! Петух-то, говорит, с характером, может и навредить. А я ей, нет уж, давай петуха, мы специально приехали зимой на дачу, чтобы гадать и дожидаться, наконец, правдивого прогноза! А она мне, что тебе петух – метеобюро что ли, чтобы прогнозы давать, с ним осторожно надо. Говорит – суший бес, если что не по нему. Ещё велела называть его только по имени – Казимиром, никаких цып-цып, коша-кеша или Петенька, а то пожалеем, что взяли!

А утром надо его вернуть обязательно, бабстеш его к обеду зарежет. Уф, все! – завершила взволнованную речь Маруська и устроилась поближе к камину, отогревая озябшие руки.

Маруся по всем статьям девушка выдающаяся, красотой и умом не обделенная. В свои двадцать пять трижды замужем, последний муж все ей позволял, лишь бы жена не мешала ему работать. Маруся и отбилась от рук, сбежала от него. И сейчас находилась в поисках нового счастья.

Алёна же, в отличие от подруги, замужем не была, но имела сынишку пяти лет, который на праздники был пристроен к бабушке, чтобы Алёнка, вдруг повезет, встретила, наконец, своего мужчину. Вот и решили подруги по дачным владениям погадать, узнать, в какой стороне счастье искать или лучше сидеть дома и ждать. Ведь говорят же старики: сиди, девушка, дома, а счастье само тебя найдет. Не верится что-то....

Поэтому Казимиру в этот вечер была отведена важная роль предсказателя. Гадание было простым: сесть по разным углам комнаты, зёрна перед собой насыпать, зеркала положить и выпустить на середину комнаты петуха. К кому он пойдет зёрна клевать, той девушке и замуж идти.

Страшно, зябко Алёнке: петух очень уж необычный. Маруська хохочет, хоть бы что ей, знает, как бы Казимир ни старался, она уж своё счастье всегда сумеет ухватить.

После гадания подруги намеревались поужинать, вина церковного выпить за будущее счастье. Словом, вечер начался, как условились: Маруська петуха добыла, Алёнка стол

накрыла. На стол под белую скатерть сена душистого разложила, чтобы счастье в доме не переводилось. Фрукты и засахаренные орехи в вазочках окружали аппетитную курицу на центральном блюде, запеченную по особому рецепту.

Казимир звонко коцал по начищенной до блеска терракотовой плитке и был явно недоволен. Когти не чувствовали привычный настил, ноги скользили. Петух гневно клекотал, нервно взмахивал крыльями, судорожно вертел головой и всячески уклонялся от навязчивых особ с их гаданием.

А девушки тем временем расставили небольшие зеркала по полу, пшена и семечек насыпали, каждая – около себя. Вот стали они петушка зазывать:

– Казимир, Казимир!

Нет, ни к кому не идет, не хочет выбирать счастливицу, замер на одном месте и все тут!

Надоел Маруське упрямый Казимир, забыла она наставления бабстешки, да позвала: «Цып-цып!»

Казимир сначала стал приседать, потом кланяться; крыльями захлопал, да взлетел на стол, заорал кукареку и давай по столу ходить! А скатерть белую, еще прабабушкину, когтями распорол! Сено из прорех повылезло, ужас! Петух не унимается: давай сено ещё больше дёргать! Всю красоту испортил.

– Ах ты, негодяй, уходи прочь! – закричали девушки, стараясь согнать петуха со стола. А тому и дела до них нет, стал клевать орехи прямо с тарелки. Клюет, а девушек из поля зрения не выпускает, ну-ка подойди!

Маруся с грустью смотрела, как петух по столу расхаживает, лакомится Алёниным угощением. Потом сказала:

– Ну, вот и выбрал тебя Казимир. Ладно, пойду я, все равно уж теперь не поужинаешь. Алён, пусть у тебя Казимир переночует, ладно? Боюсь я его что-то, права бабстеша, непростой он.

Алёнка, оставшись одна, убрала зеркала подальше, до следующего года, зёрна подмела в уголок, завтра выбросит. Настроение было испорчено. А все петух этот чёрный, будь он не ладен, напугал Марусю. Смотрит, а Казимир со стола спрыгнул, на кресло перебрался, вцепился в подлокотник, одну лапу поджал и замер. Заснул что ли? Свечи приманчиво сияли, Алёна решила еще погадать, пока Казимир спит.

Поставила на подоконник свечу, тарелку с кашей, стоит, глядит в окно, кашу ест и приговаривает:

– Накормлю тебя, судьба, досыта, не болей судьба, будь ко мне милостивой, приведи суженого...

Вот доела кашу и замерла, глядя в окошко. Стук! В окно снежок прилетел. В ответ забило сердце Алёнки. Что делать? Маруське звонить?

А с улицы голос слышится:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.